

Не 55, а 27.5, умноженные на два!

Представь, что ты пришел в незнакомое общество, где много серьезных людей. Как ты будешь представляться при знакомстве?

Андрей или Андрей Алякин. Все люди, с которыми я встречаюсь впервые, как правило, с виду очень серьезные. Я своим возрастом, и не только, заслужил право ничего особенно не говорить о себе. У меня нет приставок из занимаемой или оставленной должностей. Я сильно упростил и облегчил взаимоотношения с собой.

С какого момента ты понял, что тебе не нужны приставки? В твоей карьере были очень серьезные позиции, которые производили впечатление. Было ли время, когда тебе нравилось представляться со всеми регалиями? Когда оно прошло и почему?

Могу не кривя душой сказать, что точно никогда не было привязки к должности. Вообще, специально позиционировать себя как-то специально никогда не стремился. Был момент, когда я предложил напечатать стихи журналу «Юность». Тогда не сложилось, но история была с продолжением. С тех пор я точно сам никогда и нигде не пытался себя как-то пиарить. А вот сейчас я иногда с улыбкой вспоминаю все свои должности и регалии и понимаю, каким крутым было моё прошлое. Тогда вообще и понтоваться не надо было, все и так всё знали. И молчание или недосказанность только нагнетали загадочности. А когда мои короткие зарифмовки прозвучали из уст Михаила Николаевича Задорнова, то тут само по себе всё пошло по нарастающей в плане интриги. Главное было молчать, делать серьёзное лицо и не смеяться.

Что за история с журналом «Юность»?

В далеком 1989, еще будучи курсантом, я отправил несколько своих стихотворений в редакцию журнала «Юность» и получил какой-то не очень убедительный ответ. Тогда в отпуске (очень хорошо помню тот день) я пришел в редакцию и принес стихи Александра Башлачёва: «От винта!» и «Грибоедовский вальс» (выдав их за свои) – и получил в ответ критику. Якобы всё это набор бессмысленных слов и не имеет никакого отношения к литературе. На этом моё паломничество в мир официальной литературы закончилось. А через три года ко мне пришли представители этого издания – не помню, владелец, или директор, или главный редактор. Тогда модно было открывать банки, а я как раз занимался этими вопросами в ЦБ. Они тоже хотели свой банк и всячески пытались понравиться, а когда узнали, что я складываю строки, тут же предложили чуть ли не половину страниц. Смешно и грустно.

Твоя жизнь всегда полна событиями. В них никогда не было дефицита. Но время после прошлого юбилея, наверное, претендует на одно из самых насыщенных и драматичных пятилетий. Один ковид чего стоит. Твоё мировоззрение изменилось, скорректировалось или укрепилось по сравнению с прошлым юбилеем?

Это очень хороший вопрос. Я почувствовал ещё большую ответственность за всё: от написания исповедей до обеспечения комфортного существования всех людей, кого я люблю. Я пережил необычное путешествие длиной в 47 дней и ночей, проведённых в реанимации со стопроцентным поражением легких. Хочу рассказать об истории написания и презентации моей книги, написанной в красной зоне. И конечно не могу не вспомнить и не поблагодарить моего доктора – Замиру Магомедовну Мержоеву. Она была моим проводником в том сложном путешествии.

Перед тем как попасть в приёмное отделение, я купил пачку почтовых конвертов и попросил всех, кто приходил ко мне из медперсонала, написать в графе «адресат» свою фамилию и имя. Пока я находился в больнице, я, конечно же, писал свои исповеди и, находясь в палате, договорился издать книгу ещё до моей выписки. Так на свет появилась книга «Построчная хронология спасения». Именно её я при выписке сложил в конверты и подарил всем, кто был причастен к моему исцелению. Эмоции – мои, в первую очередь – не передать никакими слезами. Никто не знает, а точнее, редко кто вспоминает настоящих героев красной зоны. Это было лучшее из того, что я когда-либо презентовал.

Во время нахождения там я чувствовал любовь людей, которые за меня молились. У меня там появился человек, которого я считаю очень близким. – У меня никогда не было сестры, а теперь я считаю, что есть: её зовут Елена Вихорева. Вообще я счастливый человек: у меня есть настоящие друзья.

Мировоззрение моё не поменялось, а скорее, укрепилось и продолжает укрепляться. Тем более что по выходе с той линии фронта меня ожидали ещё более суровые испытания. Я вернулся, чтобы продолжать борьбу за любимых мною людей.

То есть, тебя спасло чувство ответственности. Не страх того, что с тобой что-то случится, заставлял бороться с болезнью, а созидательное чувство: выбраться, чтобы помочь. Вообще, благодарность – необходимое для счастья чувство?

Скорее не благодарность, а обратная связь. Я увидел в глазах этих людей что-то такое, что вдохновляет и ведёт к осознанию того, что всё не зря. Говоря об ответственности – однозначно, да. Никто за меня моих проблем не решит, и я точно не имею права, уходя, оставлять свои долги кому-то. Что касается страха, то я недавно написал стихотворение, в котором сделал простой, казалось бы, вывод: я боюсь не смерти, а боли.

Мысль о том, что всё не зря, и помогла! Но все же: благостность необходима для счастья?

Однозначно, да. Все добрые эмоции и есть составные части счастья. И ещё первый признак счастья – искренняя улыбка или слёзы радости.

Ловить моменты счастья, понимать, что здесь и сейчас происходит что-то хорошее, – этот навык приходит с взрослением. А у тебя есть ещё дополнительный способ фиксировать ощущения и чувства – через стихи. Ты перечитываешь написанное?

Как минимум один раз в год, когда провожу творческий вечер. Это и есть фиксация ощущений. Если ты обратила внимание, я стал читать более медленно и, как мне кажется, более внятно. Так происходит обмен энергией со слушателями. Я, конечно, волнуюсь и проглатываю иногда окончания, но все ощущения фиксирую. В остальное время, как правило, не перечитываю, хотя иногда друзья просят с голоса записать отдельные исповеди, и я записываю и отправляю им. В последнее время у меня большая рассылка по соцсетям. Очень приятно получать отклики на мои стихи. Иногда – абсолютно неожиданные, от людей, с которыми я не знаком. Нередко из тех мест, где сейчас очень несладко.

Ты называешь свои стихи исповедями. Как думаешь, что в таком случае в них находят другие люди? Например, на твои стихи написано много песен.

Скорее всего, находят ответы на те же вопросы, на которые ищу ответы я. Со временем мы всё больше становимся в этом похожи, – я о людях моего поколения. Я пишу только о себе, поэтому называю стихи исповедями. Мы все приходим к простым радостям жизни, и на этом пути главное – не впадать в уныние. В последнее время всё чаще и чаще на долю нас всех выпадают сложные испытания – от потери работы, долгов, предательств до проводов в последний путь тех, с кем рядом

всю жизнь. Надо признать, что больше половины пути уже пройдено и на многое просто не хватит сил, но с каждым мгновением близкие люди становятся ещё ближе. Я очень дорожу своими братьями по юности и по детству. Мы прошли испытание временем и, как говорится, не каждый брат может быть другом, но каждый друг обязательно брат. Именно об этих братьях я говорю. У меня есть два таких брата по юности – это Игорь Тимаков и Серёжа Акопов. Мне очень нравится, как они поют песни на мои стихи. Это очень дорогого стоит, по крайней мере, для меня.

Бывало так, что ты был недоволен тем, как интерпретировали написанное тобой? Что-то делал с этим?

Ничего. Я считаю, что всё, что от меня ушло, имеет право на свою историю. Например, мне очень не нравится, какие песни на мои стихи поёт Сергей Любавин. Он сильно упрощает текст музыкой. Но если людям нравится и песни находятся в ротации, то почему бы и нет? Я даю право на использование моих стихотворений всем и безвозмездно. Другое дело, что тот же Сергей Любавин иногда, а в последнее время всё чаще, забывает указывать автора. Но и это для меня не смертельно. Я никогда не продавал свои исповеди. То, что касается коротких ненормативных стихов, которых давно уже более 5000, то я и сам порой в них путаюсь. Многие авторы пытаются меня перефразировать или перерифмовать. Например, моё стихотворение «Ей не с кем оставить кота» я видел в трёх вариантах. Но мой всё равно лучше! И, пользуясь случаем, хочу напомнить, что про кота у меня написана трилогия. Так что если кто-то хочет, милости прошу – перефразируйте, перерифмуйте. Я правда не обижусь.

Перед кем ты исповедуешься, кому адресованы твои стихи?

Перед собой. Они, в первую очередь, адресованы мне. Это разговор с собой, облечённый в такую вот форму. Себя не нужно обманывать в принципе. Никто не знает меня так, как я себя знаю. И самое главное: в строках скрыты различные коды, которые доподлинно знаю только я.

Если говорить о любви, то и любовь начинается только с себя. Возлюби ближнего, как самого себя. О какой любви можно говорить, если ты не знаешь, о чём с самим собой разговаривать? Мои исповеди во многом указывают мне дорогу. Неслучайно, наверное, я и остался без всех не нужных мне профессий и титулов.

А что тебе нужно?

Как и многим, если не всем, – спокойствие. Душевное спокойствие, которое возможно только в одном случае: когда ты сам с собой в ладу. Исповедь даёт возможность выговориться и найти корень этого спокойствия. А вслед за корнем обнаруживаются и ствол, и листья, и плоды этого спокойствия.

В чём ты реализуешься сейчас?

Я живу. Я стараюсь решить все свои проблемы, а их очень много. Я занимаюсь общением с близкими и любимыми людьми. Да много чем и кем, что связано непосредственно со мной и с ними.

Что-о есть такое, что бы ты сейчас добавил в свою жизнь?

Скорее, убрал бы – долги, подлых людей, суды. И ещё очень хочу, чтобы побыстрее закончилась война. В общем, мечтаю о мире и спокойной жизни для всех. Всё остальное у меня есть.

У тебя сыновья. И старшие сложно ищут свой путь. Для тебя какой главный вывод во взаимодействии со старшими?

У меня с ними очень сложные отношения. Главный вывод в том, что детей нельзя баловать в принципе. И если они хотят уйти во взрослую жизнь, то пусть уходят, но при одном условии: всё

сами. И любую помощь нужно оказывать крайне осторожно, и только если об этом хорошо попросят. История с возвращением блудного сына дорогого стоит, и я верю, что в моей жизни будут такие моменты.

В чем твоя опора?

В вере в Бога, в поддержке моей жены, с которой мы через многое прошли вместе. Мама помогает, помогает тёща. У меня есть два ангела в женском облики – две моих близких больше-чем сестры, две Лены: Вихорева и Лосева. У меня есть больше-чем-брат Борис Котов, есть Дима Марушенков, есть Муса Готиев. У меня проверенные временем братья по юности – бывшие курсанты.

И еще у меня очень трогательные отношения с моей первой учительницей русского языка и литературы Людмилой Николаевной Чебаевой. В Самаре живёт близкий мне Виктор Развеев, в Ярославле – Юрий Ваксман, Сергей Бондарчук и Дмитрий Матвеев. В Крыму – очень хороший друг Татьяна Степанова. Есть еще Евгений, с которым мне всегда интересно и который поддерживал меня стихами в моменты, когда я был в реанимации те самые 47 дней. Такое невозможно не хранить в глубине души. Это те, с кем я ежедневно общаюсь и в ком чувствую колоссальную жажду жизни, которая передаётся и мне. В общем, я не один.

Времена училища всегда были для тебя важны. Но кажется, ты чаще, чем раньше, вспоминаешь их в последнее время. Почему, как ты думаешь?

Это было прекрасное время, когда было очень трудно. Я, вчерашний школьник, оказался в казарме, где 150 пацанов должны и учиться, и нести службу. И всё делать самостоятельно. Это колоссальная школа взросления. В мужском коллективе всё как на ладони. Там произошло моё взросление, и мы вместе с братьями прошли эту настоящую школу. Мы на деле один за всех, и все за одного. Были, конечно, и те, кто скурвился, но время, как решето. Рядом остались свои люди, и мы теперь одно целое, как и тогда.

Не могу не вспомнить и всех, кто ушел из моей 9 роты. Нет с нами Сергея Федюкина, Дмитрия Боровикова, Игоря Минченко, Александра Фомичёва, Сергея Пономарева, Аркадия Майорова, Сергея Приставко, Сергея Текутова, Андрея Мануйлова, Анатолия Запорожца, Анатолия Карташова, Виктора Панова, Сергея Карташова, Бориса Бахтина, Валерия Коновалова, Константина Переверзева, Андрея Мамонтова, Алексея Милова, Николая Комарова, Николая Толкушкина. Третий тост всегда за них всех. Царствие им Небесное.

Я и с одноклассниками в Ульяновске на связи, мы в школе дружили 4 на 4: четыре мальчика и четыре девочки. Так вот, я люблю позвонить и поболтать и с Женей Климендеевой, и с Леной Акимовой, и с Ирой Стафутинной, и с Андреем Алексеевым, и с Олегом Бочкаревым, и с Пашей Катиним. Это очень близкие мне, родные по детству люди. В Москве нет-нет да и заеду к Наташе Сарапкиной, это тоже по-настоящему близкий мне с юности человек.

Сейчас, в 55 лет, как бы ты охарактеризовал свою жизненную стратегию?

Не обманывать себя ни в чём, не строить иллюзий, не придумывать несуществующих реальностей, не переоценивать друзей и близких и не недооценивать врагов. И с непредвзятой серьёзностью относиться к себе.

Как ты планируешь отмечать свой День Рождения?

Сам День Рождения я встречу в делах. А вот в субботу я и мои братья из 2-го батальона решили устроить праздник. Давным-давно, лет 10 назад, а может, и более, появилась традиция делать календари с моими короткими стихами. В этом году мы решили устроить презентацию такого календаря и провести творческий вечер в сельском клубе. Сначала там выступит местная группа

«Чародеи» с хитами нашей советской молодости. Потом я почитаю стихи, а мой брат Серёжа Акопов будет импровизировать на фоно. Потом мы сдвинем столы.

Я приготовил конверты, в каждом из которых лежит календарь и стихотворение. Каждый, кто захочет получить календарь, должен будет со сцены прочитать стихотворение. Потом будут всякие конкурсы. В общем, весело впадём в детство.

Будут близкие мне люди: братья из второго батальона 1990-го года выпуска ЯВВФУ; «Чародеи» со своими чародейками. И ещё нас будет трое – именинников с зимними Днями Рождения, – поэтому мы решили выпустить три боевых листка. Кто был в армии, знает, что это такое. Каждому имениннику напишут пожелания все участники праздника. Как-то так.